

Посвящается светлой памяти
Ивана Антоновича Ефремова.

ЛЕНИНГРАД

«Несбывшееся зовёт нас»

А.С. Грин.

«Я ... требую, чтобы вы жили так, будто на Земле уже наступила эпоха расцвета»

К.Г. Паустовский.

I

Когда в телефонной трубке раздался неизменно спокойный, глубокий и немного вкрадчивый голос моего питерского друга и тёзки Андрея Михайлова, я понял, что уже год не был в своём любимом Ленинграде.

– Андрюш, – начал он со своего обычного доверительного обращения, – ты не мог бы приехать?

– Что-то произошло? – осторожно спросил я.

– Ничего страшного, просто одно событие, которое тебя должно заинтересовать.

Был конец июня – пора белых ночей, я соскучился по Ленинграду и тамошним друзьям, а интересные события меня влекли ещё и в качестве источника сюжетов. Так что Андрею меня уговаривать не пришлось, и уже на следующий вечер я выходил из Московского вокзала на Площадь Восстания. Зная, что тёзка не появится дома раньше полуночи, я решил прогуляться к нему на Петроградскую пешком.

Было около одиннадцати часов. На Невском проспекте, как всегда в это время, царил жизнерадостное, почти карнавальное настроение, не хватало только масок. Впрочем, без них было гораздо интереснее.

Весёлой гурьбой шла молодёжь, двое юношей в ярких рубашках навыпуск несли за спиной гитары. По проезжей части смело катили на роликах, пропуская троллейбусы и редкие авто. Промчалась группа велосипедистов. У одного из них на багажнике был закреплён флаг с изображением Крымского полуострова.

В пяти шагах впереди меня над пёстрой толпой плыл белоснежный тюрбан высокого, статного индийца. Как принц Даккар, отметил я про себя. Рядом с принцем шла очень стройная женщина, одетая в расшитое серебряными звёздами тёмно-красное сари. Тонкое покрывало, наброшенное на голову индианки, не скрывало гордой посадки её головы.

Вот навстречу прошагала, приветствуя на ходу нашего капитана торгового флота, группа чернокожих моряков, – судя по португальской речи, из Анголы или Мозамбика. Капитан – коренастый мужчина лет пятидесяти пяти, с классической шкиперской бородкой (а-ля Хемингуэй) – в ответном приветствии поднёс руку к козырьку.

А возле уличного фонаря остановился, окружённый стайкой симпатичных девушек в лёгких летних нарядах, молодой человек в футболке с портретом Гагарина и надписью «Космофест–2011».

– Мой муж! Вокруг него всегда столько девушек! – с наигранным возмущением произнесла привлекательная особа с чуть волнистыми длинными волосами цвета золотой

осени, комментируя эту сцену своей темноволосой подруге, на что та ответила: – Это же хорошо! Значит, красивый муж.

Я продолжал двигаться к Неве, всё более поддаваясь карнавальному настроению. Принц Даккар, он же – капитан Немо, Хемингуэй, Юрий Алексеевич... – кто ещё? Ну конечно, сама Ассоль! Навстречу танцующей походкой летела, улыбаясь от беспричинного счастья, широкоглазая черноволосая красавица. Перед ней расступались, на неё оглядывались. «Королева! Краса ненаглядная!» – кричали, говорили и шептали ей вслед. И я с удовольствием отметил, что на Маринку тоже так оглядываются, когда она идёт по улице. Или по коридору Института имени О.Ю. Шмидта.

Маринка – это моя жена, а также известный вулканолог, молодой доктор наук. Обычно в Ленинград на белые ночи мы приезжаем вместе, чтобы до одурения бродить по набережным и мостам, упиваясь пьянящей атмосферой одного из самых красивых в мире городов. Однажды мы оказались здесь на празднике выпускников и впервые увидели, как над Ростральными колоннами и вслед за ними – на стенах Петропавловской крепости загораются газовые факелы, а со стороны Дворцового моста появляется в свете прожекторов и отблесках фейерверков галиот под алыми парусами...

Но на этот раз всё произошло иначе. Маринка улетела на Камчатку, где продолжалось грозное извержение Толбачика. «Трещинное извержение имени 50-летия Института вулканологии и сейсмологии ДВО АН СССР на Толбачинском долу», согласно официальному наименованию. А я, пообещав любимой жене, что в этом году мы обязательно вместе побываем если не в Ленинграде, то уж в Париже наверняка, отправился в Питер по призыву Андрея Михайлова.

Миновал канал Грибоедова. Слева по ходу, на той стороне проспекта распахивал крылья Казанский собор, перед ним на переходе мигал жёлтый сигнал светофора. На углу Малой Конюшенной улицы, также известной как улица Софьи Перовской, прямо на асфальт были установлены звуковые колонки, из которых неслись энергичные ритмы. Зрители образовали большой круг, в центре которого парень с девушкой мастерски отплясывали рок-н-ролл. Раз-два, три-четыре, пять-и-шесть... Здесь я задержался, любуясь на танцоров, которые стремительно крутились и перемещались по пятаку мостовой: он – в лёгком белом костюме; она – в коротком синем платье, туфли на каблуках. Раз-два, три-четыре, пять-и-шесть...

Когда танец закончился, и смолкли аплодисменты зрителей, меня окликнули.

– Андрей!

Я обернулся. В нескольких шагах позади стоял, пряча улыбку за суровым обликом морского волка, Константин Львович Налимов, или просто Костя, мой давний друг, электрик научно-исследовательского судна «Александр Казанцев» и по совместительству общественный директор клуба «Великий Кристалл».

Крепкое рукопожатие моряка.

– Я думал, ты в рейсе.

– Только вчера пришли, – ответил Костя. – А ты, оказывается, в Ленинграде. Надолго приехал?

– Сам пока не знаю. Меня Михайлов вытащил по какому-то важному делу, но я пока не знаю, в чём оно.

Через пять минут мы уже сидели в открытом кафе за бокалом аргентинского красного вина провинции Мендоса.

– Как дочь? – спросил я после того, как мы выпили за встречу.

– В экспедиции, в Средней Азии. Как раз по её интересам: раскапывает древний буддистский храм.

– Ей один год остался учиться?

Костя кивнул и в свою очередь поинтересовался, как мои.

Я рассказал, что Маринка на Камчатке, что наш старший после первого курса проходит полевую практику под Боровском, а младший уехал на смену в «Орион», а этот посёлок, как известно, тоже находится в Калужской области.

– Космонавтом будет, – уверенно произнёс Костя.

– Космонавтом-разведчиком. За марсианской эпопеей команды Саши Хохлова вместе с нами следит, ни одного сообщения не пропускает, долинами Маринера бредит, а песня про туманные дали Оберона у него теперь любимая.

Принесли чай, заваренный с чабрецом. Не спеша прихлёбывая его из широких чашек, мы с Костей погрузились в созерцание.

Солнце зашло. Ровный ряд уходящих вдаль фонарей освещал опустевшую улицу с застывшей на постаменте одинокой фигурой Николая Васильевича Гоголя. На Невском прохожих стало заметно меньше – все переместились к Неве, транспорт исчез вовсе. Танцоры на углу теперь исполняли «Кумпарситу» – заключительный танец. Хорошо исполняли, «с душой». С того места, где мы сидели, их было отлично видно. Ребята не «маршировали» в ритм, но очень чутко и нежно обыгрывали каждый нюанс мелодии. Вместе с остатками дня ушла рок-н-рольная искромётность, лиризм белой ночи теперь наполнял танцующих.

– Хороши, черти! – экспрессия, с которой обычно сдержанный Костя произнёс эти слова, выражала высокую степень похвалы.

В это время мой телефон пропел первые аккорды музыкальной темы из кинофильма «Мечте навстречу». Звонил Михайлов.

– Андрюш, я через пять минут буду дома. Ты далеко?

– Сидим с Костей на углу Малой Конюшенной. Сейчас двигаем к тебе, если ты не возражаешь, – одновременно я перевёл вопросительный взгляд на моряка. Тот пожал плечами, что означало: «Михайлов – хороший мужик, ничего против его общества не имею».

– Значит, вы будете где-то через час или немного раньше. Хорошо, жду, – Андрей дал отбой.

Мы допили чай, расплатились и скорым шагом двинулись от проспекта.

– Я проведу тебя кратчайшим путём, – на ходу сказал Костя.

Переулок направо – и вот мы уже шагаем вдоль канала Грибоедова, а впереди, на его противоположной стороне, высится над огнями набережной, отражёнными в тёмном зеркале воды, Спас на Крови, очертаниями больше похожий на сказочный терем, нежели на храм.

А ведь на этом месте убили Александра Второго, подумал я. Мне всегда казалось странным, как легко расправились с народовольцами после того первого мартовского дня 1881 года. Значит, могли и раньше, но не спешили, кто-то умный и могущественный ждал, пока специально выстроенная логика событий подтолкнёт доведённых до отчаянья революционеров к мысли об убийстве монарха. Ох, мешал кому-то Александр Николаевич с его прогрессивными реформами!

Я поделился этой мыслью с Костей, но он только пожал плечами и ответил, что не верит в конспирологию, после чего стал рассказывать об Азорских островах, где

останавливался во время последнего рейса «Александр Казанцев». Рассказ был увлекательный, за разговором мы перешли канал, затем Мойку, которая делает здесь поворот, и, двигаясь вдоль Марсова поля, вышли к Троицкому мосту. Пространство города распахнулось вширь и ввысь.

На мосту я сбавил шаг и обернулся на купол Исакия, плывущий в светлом небе над сияющими фасадами набережной.

– Соскучился по маятнику Фуко? – спросил Костя.

– Да, – отозвался я. – Есть в нём что-то очень важное. Он – как хранитель нашего пространства, повторяющий один и тот же ритуал под сводом храма.

И директор клуба «Великий Кристалл» меня прекрасно понял.

– Завтра можем сходить, если будет желание.

Мы двинулись дальше. Миновали Петропавловку, задержались возле памятника миноносцу «Стерегающий», после чего стремительно зашагали вдоль Каменноостровского проспекта.

II

Андрей жил на Большой Монетной улице (она же – улица Скороходова). Нажатие кнопки дверного звонка привело к неожиданному эффекту: под торжественные аккорды третьей части сороковой симфонии Моцарта незапертая дверь медленно распахнулась, а когда мы с Костей вошли, также плавно закрылась позади нас.

В полусумраке прихожей, светясь радостной улыбкой, появился хозяин квартиры. Обнялись.

– Сделали заботливые ученики, – кивнул Андрей в сторону входной двери. – Что, говорят, вам каждый раз кричать «открыто!». Срабатывает только при незапертом замке.

Мой тёзка преподавал физику в школе, а во время каникул, если никуда не уезжал, вёл на общественных началах свои исследования в Пулково, где при знаменитой обсерватории недавно была создана Лаборатория времени имени Н.А. Козырева. Область исследований нашего друга была чертовски интересной и при этом совершенно запредельной: динамические свойства времени. Если я правильно понимал тёзкины объяснения, время представляет собой некоторый поток вдоль четвёртого измерения. Проходя сквозь нашу реальность, этот поток её непрерывно меняет, что и воспринимается нами как ход времени.

В комнате Андрей усадил нас с Костей в удобные кресла, положил перед нами на журнальный столик какую-то книгу, а сам уселся напротив.

В тёплом свете настольной лампы под зелёным абажуром бликовал твёрдый переплёт. На обложке, выдержанной в льдистых, холодных тонах, была изображена худощавая женская фигура в странном костюме, напоминающем рыцарские латы. Фоном ей служила большая сфера, в которой отражались какие-то мрачные пейзажи. Вверху стояло имя всемирно известного автора – Иван Ефремов, а ниже наклонным шрифтом было выведено совершенно незнакомое название: «ЧАС БЫКА».

Ничего не понимая, я раскрыл книгу. Посвящается Т.И. Ефремовой, всё верно. Дальше шло авторское предисловие, которое я принялся читать вслух:

– «Третье произведение о далёком будущем, после "Туманности Андромеды" и "Сердца Змеи", явилось неожиданностью для меня самого. Я собрался писать историческую повесть и популярную книгу по палеонтологии, однако пришлось более трёх лет посвятить научно-фантастическому роману...» – Моё удивление нарастало с

каждой прочитанной строкой: – «...Я продолжил в будущее те тенденции гангстерского фашиствующего монополизма, какие зарождаются сейчас в Америке и некоторых других странах, пытающихся сохранить "свободу" частного предпринимательства на густой националистической основе...»

Дочитав предисловие и увидев поставленную под ним дату – август 1968 года, – я уставился на тёзку и тихо произнёс:

– Что за мистификация?

Все мы отлично знали, что у Ефремова не было других произведений о далёком будущем, кроме «Туманности Андромеды», «Сердца Змеи» и небольшого рассказа «Пять картин», посвящённого творчеству художника Андрея Константиновича Соколова. В шестидесятые годы, сразу после «Лезвия бритвы», были написаны популярная книга по палеонтологии «Ключ к будущему» и исторический роман «Дети росы». Затем шла «Таис Афинская»... Ну а «тенденции гангстерского фашиствующего монополизма» в шестидесятые годы – это вообще ни в какие ворота не лезло.

Костя забрал у меня книгу и стал искать выходные данные.

– Год издания – две тысячи одиннадцатый. Издательство... – он произнёс незнакомую аббревиатуру. – Ты знаешь такое?

Я отрицательно покачал головой.

– «История экспедиции землян далёкого будущего на планету, населённую потомками людей, давным-давно бежавших с нашей планеты. Утопия и антиутопия в одном гениальном научно-фантастическом романе»... М-да...

– Обрати внимание на годы жизни автора, в аннотации, – сказал Андрей.

– 1907–1972... – медленно прочитал Костя. – Чертовщина какая-то!

На шестнадцать лет меньше...

В комнате повисло ощущение вплотную подступившей тревоги. Темнота за нашими спинами сгустилась и протянула чернильные щупальца в последнее оставшееся освещённым пространство вокруг абажура настольной лампы. Костя и я молча смотрели на хозяина квартиры, который сохранял внешнее спокойствие, удобно «утонув» в кресле.

– Это не мистификация, ребята. – Почувствовав наше состояние, Андрей придвинулся ближе, и его лицо выступило из полумрака. – В Пулково я ставил один эксперимент. Мысль о том, что время может ветвиться и создавать разные варианты реальности, сосуществующие где-то в многомирье, известна давно. Её много раз обыгрывали в фантастике – та же идея Великого Кристалла, очень красивая. Есть несколько физических теорий, которые обосновывают многомирье.

Я начал понимать, и от этого понимания внутри меня стал расползаться холодок. Тёзка продолжал:

– На той неделе я наконец-то смог подобрать нужную настройку аппаратуры и начал «прощупывать» приборами соседний рукав реальности. И вот, вчера, во время очередного опыта, к нам попал артефакт оттуда.

– И этот артефакт?.. – произнёс Костя.

– У тебя в руках.

Андрей замолчал, откинувшись в кресле, Костя снова раскрыл книгу и впился глазами в текст, я лихорадочно соображал...

Шестьдесят восьмой был годом ВВР – Второй Великой революции, которая стала политическим итогом духовной революции шестидесятых. В тот год «физики» объединились с «лириками», «кибернетики» и «синдикалисты» – сторонники рабочего

самоуправления – с педагогами-коммунарами. Мощное движение охватило всю страну и было поддержано выступлениями студентов, рабочих и интеллигенции в Праге, Париже и в других европейских городах. Были решительно пресечены попытки приватизации общественной экономики и разжигания межнациональных конфликтов. «Власть – советам!» – партию отделили от государства, толковых партийных функционеров перевели на работу в исполкомы, остальных отправили на заслуженный отдых. Быть коммунистом вновь, как во времена Первой революции, стало вопросом Идеи, а не карьерного роста и привилегий. Так «власть для народа» сменилась властью народа, а на первое место в обществе выдвинулась фигура учителя-друга.

Запад после ВВР существенно «полевел», во многих странах к власти пришли социалистические правительства, что позволило академику Сахарову (по мнению специалистов, слишком упрощённо) говорить о конвергенции. Началась разрядка, к моменту знаменитой московской Олимпиады 1980 года военно-промышленные комплексы США и СССР были почти полностью переориентированы на решение мирных задач, включая охрану и восстановление окружающей среды и космические исследования. Только с Китаем, где мировые события второй половины шестидесятых проходили по сценарию разрушения, напротив, отношения обострились до предела, но и это продолжалось лишь до смерти Великого кормчего.

Но если... Если в другом рукаве реальности автор в 1968 году издаёт роман о «тенденциях фашиствующего монополизма» и умирает через четыре года, а почти полвека спустя его произведение сопровождают странными аннотациями об утопии и антиутопии, значит, в том мире всё было иначе. Когда же произошло ветвление, и начался неумолимый разгон альтернативной версии истории? И возможно ли, хотя бы в отдалённом будущем, обратное схождение разошедшихся ветвей? И что для этого нужно сделать... там?..

– Книга глубокая, – вновь заговорил Андрей. – Огромная концентрация идей в тексте, впрочем, как всегда у автора. Но здесь это ещё и морально очень тяжёлая информация, поэтому, наверное, он и умер так рано в той реальности...

Тёзка помолчал, собираясь с мыслями.

– Это история о встрече двух миров...

Мы все находились в одном идейном поле, которое во многом сформировал Ефремов, поэтому «схватывали» основные мысли очень быстро. По сути, мы просто узнавали знакомое, но сказанное в других, более жёстких внешних условиях.

И всё же история звездолёта «Тёмное пламя» обрушилась на нас, ошеломила, всколыхнула что-то в самой глубине. Не по себе становилось от описания социальной действительности в терминах концепции инферно, то есть безысходности. Жуть охватывала от понимания, что это – результат тревожных дум автора, отражение тенденций, свидетелем которых он был. Даже если эти тенденции из альтернативного мира.

И тут же, рядом – гордость за человека, единственное во Вселенной существо, способное подняться из инферно.

Наверное, тогда я впервые ясно понял, что приоритет чисто экономических показателей над человеческими ведёт к усилению безысходности, в особенности, в современных условиях больших масс населения, независимо от того, капитализм или «социализм» будет выведен на знамёнах. Но если капитализм по определению нацелен на прибыль ради прибыли, то социалистические модели возможны разные...

Когда Андрей закончил рассказывать, я взял слово.

– Друзья мои, как я понимаю, сейчас главный вопрос – о точке ветвления. Но прежде, чем попытаться как-то ответить на него, нам с Костей нужно прочитать роман. – Костя кивнул в знак согласия, я продолжал: – После того, дня через четыре... – ведь этого хватит?.. – дня через четыре предлагаю встретиться снова, чтобы поделиться идеями и понять, что делать со всем этим дальше.

Мой план был принят. Как назло, все наши друзья находились в разъездах – проводили детский астрономический слёт в Испании, вели смену в пионерлагере «Зеркальный», путешествовали на Байкале, отдыхали в Севастополе, Маринка была на Камчатке – в общем, «будто все сговорились», как прокомментировал ситуацию Костя, – поэтому следующая встреча также предполагалась втроём.

Тёзка принёс из соседней комнаты карту памяти.

– Здесь – фотокопия романа. Оригинал пусть останется у меня, на всякий случай, ведь о долгосрочном поведении объектов соседнего мира нам пока ничего не известно.

Я извлёк из рюкзака свой портативный «Агат», и мы перекачали на него копию, после чего Андрей вручил карту Косте, и тот её спрятал в нагрудный карман.

Накатила усталость, но спать после такой информационной бомбы было немислимо. Моряк предложил «проветрить мозги» – прогуляться на Аптекарский остров, где располагался клуб «Великий Кристалл», и продегустировать «гармонический напиток», припрятанный в директорском кабинете «для нужд релаксации». «Гармоническими напитками» Костя обычно называл коньяк или ром.

Когда мы уже стояли в прихожей, готовые к выходу, приоткрылась входная дверь, и на пороге нарисовался рыжий кот Кон-Бендит (или «кот-бандит», как часто называл его Андрей).

– Нагулялся, разбойник! – приветствовал его хозяин. Мурлыкнув что-то неразборчивое, кот пересёк прихожую и уверенно направился по длинному коридору в сторону кухни, подрагивая пушистым хвостом. – Подождите меня пару секунд, – это уже нам с Костей, – я только открою ему банку сайры.

Тёзка сунул мне книгу, которую не хотел оставлять без присмотра, но не успел убрать в сумку. Я снова раскрыл её и прочитал эпиграф: «Ди пхи юй чхоу – Земля рождена в час Быка (иначе Демона, два часа ночи)», затем перевёл взгляд на часы, висевшие на стене. Была половина третьего...

III

Я поселился у Кости в районе Старой деревни. Каждое утро мы совершали пробежку по аллеям Крестовского острова, купались в заливе, затем возвращались домой завтракать, после чего Костя брал на стоянке велосипед и ехал в клуб, где у него накопились дела. Я же, прихватив с собой «Агат», отправлялся вдоль Приморского проспекта, больше похожего на бульвар, нежели на проспект, в сторону дацана, где садился во дворе на лавочку и погружался в чтение. Массивное здание скорее напоминало бы средневековую крепость, если бы не красочное, преимущественно цветов красной и жёлтой охры, обрамление его верхней части, наряду с изображениями Колеса Учения (а может быть, Колеса Времени – Калачакры) и двух ланей над портиком при входе в храм.

Обдумывая прочитанное, я не спеша обходил тенистый двор, раскручивая расположенные по периметру молитвенные барабаны, и вспоминал заметки из экспедиционных дневников Рериха о том, как в каком-то монастыре в Ладакхе ламы приспособили для вращения молитвенных барабанов ветряные двигатели.

Вообще, ленинградский дацан мне всегда казался уникальным местом. Община буддистского храма делила здание с психофизиологической лабораторией, за создание которой именно здесь в своё время выступил Иван Ефремов. И сотрудничество буддистов с психофизиологами получилось плодотворным: ламы, погружаясь в медитацию, давали учёным бесценный материал по биотокам мозга; в свою очередь, исследователи помогали инструментальными методами европейской науки объективировать мистический опыт буддистов, а заодно и любой другой трансперсональный опыт.

Здесь же, в кафе бурятской кухни, где чертовски вкусно кормят, можно было перекусить, чем я охотно пользовался в перерыве в своих дневных штудиях.

На второй день я обнаружил, что книга содержит явные отсылки к календарю тибетского буддизма и упоминает чрезвычайно заинтересовавший меня монастырь в Каракоруме. Уединившиеся там монахи, писал автор, составили подробную летопись исторических событий, используя двойной радиоперехват. Конечно, за консультацией следовало обратиться к тибетологам, обитавшим в Ленинградском университете и в Институте восточных рукописей, что на Дворцовой набережной, но начать можно было непосредственно с носителей традиции, раз уж я находился от них в полутора шагах.

Настроив, как говорит моя подруга, ведьма из далёкой Аргентины, свой «внутренний радар», я вошёл в здание храма и обратился к дежурному ламе с просьбой о встрече с настоятелем.

– Подождите, – невозмутимо ответил тот и исчез в одной из двух боковых галерей, отделённых от центральной части алтарного зала рядами тёмно-красных квадратных колонн.

Я осторожно пересёк зал и остановился напротив изваяния сидящего Будды Шакьямуни, затем переместился к левой части алтаря, где стояла небольшая ростовая фигура. Я улыбнулся, вспоминая, как много лет назад, во время нашего первого посещения дацана, мой московский друг спросил у служителя, кого изображает эта фигура. «Майтрейю», – буднично ответил лама, проходя по своим делам.

Сложив ладони перед грудью и молча поклонившись обоим буддам, я вернулся к выходу и стал ждать.

Настоятель появился через несколько минут. Его плотная фигура экс-чемпиона по вольной борьбе была закутана в бордовое одеяние, монгольские глаза смотрели на меня сквозь стёкла очков в тонкой оправе. Взгляд внимательный и, несмотря на кажущуюся внешнюю бесстрастность, тёплый, неотчуждённый.

– Позвольте небольшой вопрос, Буда Бальжиевич, – сказал я после того, как мы поздоровались. Настоятель кивнул и, делая приглашающий жест рукой, предложил:

– Давайте пройдем во двор.

Выйдя из храма, мы спустились по каменным ступеням, свернули направо и остановились возле гранитного изваяния льва. Настоятель терпеливо ждал.

– Моему другу попала в руки одна редкая книга, написанная в другое время, – начал я, с трудом подбирая слова, которые были бы правдивы, но при этом не раскрывали бы всю историю с романом. – В книге упоминается буддистский монастырь в Каракоруме под названием Бан Тоголо. Не подскажете, что может означать это название?

Настоятель понял мои мучения и не стал задавать лишних вопросов. Наклонив голову с коротким жёстким ёжиком волос и немного подумав, он ответил:

– Я бы перевёл как «Вестник счёта лет», иными словами – «Летописец»: «бан» – вестник; «тхо» – счёт, список; «го» – протяжённость и «ло» – год.

В самую точку, подумал я (забегая вперёд, скажу, что тибетологи мне предложили аналогичный перевод).

– С другой стороны, – продолжал настоятель, – Каракорум может означать как название горного хребта, так и средневековый монгольский Хар Хорум – столицу империи Чингис-хана.

– А... там тоже есть буддистский монастырь? – спросил я, как мне показалось, несколько ошарашенно.

– Есть, но называется он по-монгольски – Эрдэнэ Зуу, что означает «Драгоценный Будда». Его основали в конце шестнадцатого века на окраине опустевшего города, – продолжал рассказывать настоятель. – Что интересно, монастырь строили, разбирая каменные постройки Хар Хорума, в том числе на строительство шли плиты с высеченными на них ханскими указами. Получается, что Эрдэнэ Зуу тоже содержит в себе летопись, – летопись истории монгольской империи. У вашего монастыря название не монгольское, а тибетское, значит, располагается он в горах Каракорум в Ладакхе, но совпадение интересное.

Я сердечно поблагодарил настоятеля, мы поклонились друг другу на буддистский манер – со сложенными перед грудью ладонями, – после чего мой собеседник развернулся, стремительно поднялся по ступеням и скрылся за массивной входной дверью.

IV

...Наконец, я откинулся в кресле, чтобы полюбоваться тем, что получилось. А получившееся мне нравилось. На экране под космическую музыку Климовского сменялись, протаивая один сквозь другой, волшебные виды Ленинграда работы фотохудожницы Татьяны Неж. Её выставка проходила в «Великом Кристалле», и у Кости были электронные копии представленных работ, что облегчило мне выполнение задуманного. Вот так – кто-то создаёт шедевры, а кто-то занимается компиляцией, самокритично думал я. Впрочем, и мои эссе и повести, пусть не шедевры пока, но кому-то приносят радость, – моим друзьям, например. Досмотрев, как говорят наши англофоны, «слайд-шоу» до конца и не найдя, к чему придраться, я отправил его Маринке.

Вошёл Костя и коротко поинтересовался:

– Доделал?

– Доделал.

– Давай, потом покажешь, это нужно смотреть вдумчиво, не торопясь, – сказал он, предупреждая моё движение. – Можешь помочь с ужином?

Помощь состояла в том, чтобы отнести в комнату и разместить на низком прямоугольном столе блюда с горячими рыбными расстегаями, белым сыром, зеленью и крупно нарезанными роскошными помидорами.

– Значит, у твоей жены день рождения завтра? – спросил хозяин квартиры, снова появляясь на пороге комнаты.

– Да, но на Камчатке он уже наступил.

– Иными словами, мы уже можем поднять за неё бокалы, – подытожил моряк, водружая на стол бутылку красной «Алазанской долины».

– Что жена рассказывает? – спросил Костя, когда мы сидели за дружеским ужином.

– Рассказывает, что извержение, по всем признакам, начинает ослабевать, и что через неделю она полетит домой.

Каждый день будильник в карманном телефоне сообщал мне голосом диктора Всесоюзного радио о том, что на Камчатке наступила полночь, и я звонил Маринке, или же она звонила сама. Мы болтали и делились новостями, так что она уже знала о книге, а я был в курсе её экспедиционной жизни. Волноваться за жену не приходилось: будучи единственной женщиной в экспедиции, к тому же такой красивой, она была обречена на внимание, заботу и преклонение остальных участников.

Костя включил вечерние новости.

...Биологи Международной марсианской экспедиции высадили в тепличном комплексе первые сто саженцев яблонь двадцати разных сортов. В это же время отряд Александра Хохлова (о, боги! – того самого Саши Хохлова, с которым мы были знакомы ещё по московскому кружку «ефремовцев») завершил разворачивание лагеря у Лабиринта Ночи – западной оконечности долин Маринера...

...Экипаж МКС-2 «Селена» на окололунной орбите приступил к очередной серии экспериментов. Бортинженер советской экспедиции Иван Соболев обнаружил новую область лунного вулканизма...

...Чжэньцзян. Для помощи властям в борьбе с сильным наводнением в город прибыли отряды спасателей из состава сил ООН. Силы ООН совместно с МВД также продолжают борьбу с разыгравшейся стихией на севере Индии...

...Перт, Австралия. Ремонт пострадавшего в результате падения метеорита участка поля солнечных батарей в Большой Песчаной пустыне займёт не более двух дней, перебоев в электроснабжении нет...

...Кейптаун – Луанда – Найроби. Молодые медики – выпускники африканских университетов получили распределение в разные уголки Чёрного континента...

...Вашингтон. Руководство корпорации «Дженерал Электрик», федеральное правительство и синдикат работников достигли соглашения о сроках национализации компании. На этом национализация экономик США и Канады будет завершена...

...В Москве открылся международный конгресс «Глобальное будущее», – на экране сменяли друг друга знакомые лица докладчиков: академик Назаретян, сэр Роджер Пенроуз, доктор Панов, профессор Новотный, Кларисса Пинкола Эстес...

...Киль. В порт прибыл барк «Седов», завершающий кругосветный поход. Другой знаменитый «винджаммер» – барк «Крузенштерн» – пришвартовался в Лесной гавани Калининграда. В честь его прибытия в зале Калининградской филармонии тридцатого июня выступит с концертом для моряков и жителей города Александр Городницкий...

...Горно-Алтайск. Продолжаются гастролы по южной Сибири фольклорного ансамбля «Ярик» из Эквадора. В свою очередь, кировско-алтайский творческий коллектив «Хоровод» осенью совершит поездку по странам Боливарианского союза...

...Киев. В Музее фантастики и космонавтики имени О.П. Бердника открылась фотовыставка, приуроченная к годовщине первой высадки человека на Луну. Выставка продлится до октября...

...Петропавловск-Камчатский. Сотрудники Камчатской вулканологической обсерватории отмечают первые признаки затихания извержения Плоского Толбачика, – что ж, это мы уже знаем, из первых рук. На экране текли, зловеще отсвечивая багровым, умело снятые с вертолёт лавовые реки, из кратера летели на стометровую высоту частицы раскалённого материала, – Гефест продолжал бушевать, – но даже неспециалисту было видно: мощь извержения уже не та, что была прежде...

Когда мы с Костей приканчивали бутылку вина вместе с остатками ужина, кто-то снаружи постучал в окно, отделяющее комнату от застеклённой лоджии. Это было настолько неожиданно, что мы подскочили на месте. За стеклом стоял, широко улыбаясь и картинно разводя руками, наш друг, историк и педагог Николай Николаевич Симонов, собственной персоной.

– Ну коне-ечно! – воскликнул Коля после того, как мы переобнимались и перездоровались. – Эти двое пьянствуют, стоит им остаться друг с другом! Вам только нашего одессита не хватает третьим в компанию, для кворума.

– Послушай, Николай, – возразил Костя, – одессит, как ты знаешь, закаляет дух и тело на смене в Крымском Шаолине, и ему с нами пока не по пути. Но давай не будем уходить от главного. Скажи, как ты попал на балкон?

– Вот именно, – встрял я, стараясь изобразить остроумие. – Если бы ты был Карлсон, тогда всё было бы понятно, и я бы только спросил, куда ты дел Фридрихсона. Но поскольку ты Коля, я спрошу тебя: куда ты дел Олю, и – да, чёрт побери! – как ты попал на балкон к Косте?

– Так, – произнёс Коля, – начнём с конца. На балкон, а точнее, в лоджию, я спустился с крыши по пожарной лестнице (напомню, если вы забыли, что мы находимся на последнем этаже восьмизэтажного дома). На крышу же я прилетел из Пулково на параплане с электромотором. Вон он, у вас там лежит. – Коля показал рукой за окно в угол лоджии, где оставил своё средство передвижения: ограждение с винтом и лёгким полимерным аккумулятором и аккуратно упакованное надувное крыло.

– А ты говоришь – Карлсон! – заметил мне Костя.

– Олю я в Иркутске посадил на «Ту-154М» до Москвы, так что она уже дома, – продолжал рассказывать Коля, – а сам на другом «Туполе» махнул в Ленинград. Как говорят байкальские шаманы, «самолёт – хорошая птица, однако!»

– Ум-гу, и парапланерист, однако, тоже, – ответил я, «переваривая» услышанное. Похоже, наш друг достиг полного Просветления. – А что ещё тебе сказали байкальские шаманы?

– Ещё они мне сказали, что у вас тут происходит что-то очень интересное... – Что правда, то правда, подумал я, переглянувшись с моряком... – и напомнили о том, что у Кости скоро день рождения. А точнее – через два дня, поэтому вы, мне кажется, рановато начали.

– Ты не понял, – внушительно произнёс хозяин квартиры. – Завтра день рождения у его жены, – он указал в мою сторону. – А поскольку она на Камчатке, где завтра уже наступило, то... сам понимаешь.

– Понимаю. А ещё завтра день рождения Сент-Экса и годовщина нашего с Ольгой знакомства. Такие вот семейные даты.

– Так, может быть, ты... – Костя поднял бутылку с остатками, по истине, божественного напитка, глядя сквозь неё на просвет.

– Я бы не отказался от хорошего чая, – ответил Коля.

Мы собрали посуду и отнесли на кухню, где я принялся её мыть в раковине в углу, а Костя стал колдовать с чаем. Коля опустился на табурет. Могучего сложения (рука – как у меня нога – ей-богу! – хотя я вовсе не хилый, жилистый), с загорелым лицом и выцветшими на солнце, белёсыми глазами, с русой бородой, отпущенной в путешествии, – наш друг был просто вылитый Добрыня Никитич!

– А ещё завтра день рождения у Таниного Володи, – продолжил я начатую тему.

– Кстати, где они? – спросил Коля.

– В «Зеркальном», – ответил моряк.

А потом мы раскрыли окна в лоджии и, сидя в шезлонгах, попивали молочный улун и слушали Колин рассказ о Байкале. А после просто сидели молча, внимая известному всей стране чуть осипшему голосу, доносившемуся из музыкального центра.

По перевалу вдоль реки,
Где не с руки, там бьём крюки,
Туда, где с гор свисают ледники, –
Там со штыками наперевес,
С красивым названием «Эдельвейс» –
Отборные альпийские стрелки.

V

Сбор мы назначили на следующий вечер – через четыре дня после встречи у Андрея на Большой Монетной. К этому времени у нас с Костей уже сложилось целостное видение, которое мы успели достаточно подробно обсудить, поэтому день у нас был посвящён не сосредоточенным штудиям, а труду на свежем воздухе и подготовке воскресной программы активного отдыха.

Утром мы отправились на Петровскую косу, где помогали ребятам из яхт-клуба в покраске эллинга, а затем выбирали яхту для завтрашнего похода.

– Ваша любимая «Анна» в плаванье, – говорил, обращаясь к моряку как к старому знакомому, дежурный по причалу – высокий веснушчатый парень в тельняшке, шортах и белой льняной фуражке. Шлёпая босыми ногами по нагретым доскам, он шёл вместе с нами вдоль ряда пришвартованных маломерных парусных судов, сопровождаемый добродушным мохнатым ньюфаундлендом по кличке Лоцман.

– Тогда мы возьмём «Чайку», я на ней тоже ходил, – отвечал Костя, останавливаясь напротив бермудского шлюпа около пяти метров длины.

Сказано – сделано.

Когда мы отдавали швартовы, было уже около шести вечера. Поставили грот, и, сопровождаемые напутственным лаем Лоцмана, двинулись в северо-западном направлении в обход Крестовского острова, чтобы пришвартоваться у Костиного дома и завтра всем вместе выйти под парусом в Финский залив...

Коля провёл весь день с моим «Агатом» во дворе дацана, изучая книгу (кстати, это у него произошёл тот памятный обмен репликами с ламой по поводу изваяния Майтрейи). Когда мы с Костей, обогнув остров и войдя в устье Большой Невки, уже на моторе проходили мимо, Коля вышел на берег и приветствовал нас великолепно поставленным криком филина, а мы с борта ответили серией мелодичных – как в заставке к фильмам Одесской киностудии – ударов в рынду.

Андрей же последние два дня находился в Пулково, продолжая запланированную работу, и только сегодня вернулся в город.

– Покормил своего бандита, оседлал велосипед – и вот, я перед вами, – весело сообщил тёзка, появившись на пороге Костиной квартиры.

Таким образом, в назначенное время все были в сборе. Мы сидели по обеим сторонам стола и с аппетитом поглощали индийские лепёшки с сыром и картофелем, запивая их индийским же чаем масала – с молоком и пряностями. Со стены на нас вполне

одобрительно взирали два великих диалектика, как их очень верно называл хозяин квартиры. А поскольку они родились в один и тот же день одного и того же месяца, это наводило, например, Колю на размышления нумерологического характера.

Ильичу на фотографии слева – приосанившемся, с озорным прищуром глаз и удалой усмешкой – не доставало только лихо заломленного на ухо берета с пером, столь интересное фото было в своё время найдено Костей в одном швейцарском архиве и скопировано с увеличением. Эх, согласился бы В.И. в семнадцатом на создание коалиционного социалистического правительства, не было бы ни гражданской войны, ни сталинизма! Впрочем, эту ответственность он делит с лидерами социалистов, да и не могло быть у них соглашения, иначе это был бы уже не Ильич. Как там писал Шубин в «Дочери капитана» – историческом романе о Первой революции, – вкладывая эти слова в уста Ленину? «Вы пропитаны буржуазным мирозерцанием! Вы не станете бороться за коммунизм, который наступит через век. Вы не подчинитесь пролетарской дисциплине без остатка. А рабочий приучен подчиняться коллективной воле, а рабочий будет бороться – и тогда коммунизм наступит завтра. И вы ведь, интел-ли-и-иге-е-енция, будете этим коммунизмом наслаждаться вместе с рабочим классом. Вот ведь парадокс, несправедливость»¹.

Ефремов на довольно известной фотографии справа был запечатлён сидящим за письменным столом; перед ним стояли фигурка рыцаря в латах и роза в высоком стеклянном стакане, а за спиной у писателя перегородки книжного стеллажа образовывали крест. В своё время все эти детали позволили одному увлекающемуся автору утверждать, что, раз на портрете Ивана Антоновича присутствуют, вкуче со средневековым рыцарем, роза и крест, то значит, сам Иван Антонович был тайным розенкрейцером.

Когда мы насытились, Андрей достал из сумки «артефакт» и передал его Коле, а сам взял слово.

– Итак, в период тяжёлого планетарного кризиса с Земли улетают несколько космических кораблей в поисках лучшей доли. Беглецов чудом забрасывает на пригодную для жизни планету, они её начинают осваивать, как пионеры Дикого Запада, и делать всякую фигню... – тёзка умел подбирать ёмкие выражения. Всё-таки физтех – великая школа! – А спустя две тысячи лет к ним прилетают земляне-коммунары из далёкого будущего, прекрасные и мудрые, и видят разорённую планету, мир после Апокалипсиса. Естественно, там олигархический строй, жизнь, как в муравейнике, – даже Мао Цзэдун упоминается, наряду с «Белыми звёздами», как символом гангстерской Америки из старых кинобоевиков, – жёсткое кастовое расслоение и обычай ранней смерти для большинства, такой вот кошмар. – Андрей остановился и спросил не то нас, не то самого себя: – Где же находится точка ветвления?

Я невольно улыбнулся – до того сидящий справа от меня тёзка сейчас был похож на себя среди своих школьных учеников. Ему бы ещё выйти к доске и начать её исписывать формулами. Но доски у нас не было, и Андрей продолжал говорить, сидя в углу дивана и держа в руке чашку масалы:

– ... Автор в предисловии упоминает свою повесть «Сердце Змеи». Следовательно, ветвление было уже после её публикации, то есть после пятьдесят девятого года. А вот оценка верхней границы у меня скорее интуитивная: самое начало шестидесятых.

– Шестьдесят первый год, – отозвался я, перебираясь со слишком мягкого дивана на

---

1 Александр Шубин. «Дочь капитана».

пол возле книжного шкафа, где и уселся, скрестив ноги. Костя, с которым мы многое успели обсудить, просто кивнул в знак согласия с нашими оценками.

– Солидарен, – отозвался Коля. Он сидел напротив Андрея, продолжая исследовать привезённую им книгу: медленно поворачивал её в руках, ощупывал переплёт, осторожно перелистывал страницы, рассматривал шрифт, – и, наконец, положил её перед собой. – В середине шестидесятых было бы уже поздно что-то менять, и это хорошо согласуется с циклами Чижевского. В нашей реальности перемены произошли, а у них – почему-то нет.

– Андрей, а можно прикинуть точку ветвления из результатов твоего эксперимента? – поинтересовался я. – Из общих соображений, это должно делаться. Скажем, у того рукава реальности есть какие-то темпоральные параметры, отличные от таковых для нас. Можно ли по степени отличия прикинуть время ветвления, как это в своей области делают археогенетики?

– Да, – радостно отозвался тёзка, – я в основном этими расчётами и занимался последние два дня.

– И ведь молчал! – воскликнул Коля с только отчасти шутливым укором.

– Подожди, Коль, ничего выдающегося у меня пока не получилось, наши с тобой оценки на основе исторического знания гораздо точнее, – стал объяснять тёзка. Обернулся ко мне: – Андрюш, ты прав, такой расчёт теоретически возможен...

– И что же показали расчёты?

– Где-то шестьдесят лет назад, плюс-минус двадцать лет. Погрешность, как видите, большая, но наши с вами оценки в этот интервал попадают.

– М-да... – протянул Костя.

– Получается почти как в анекдоте про машину, предсказывающую будущее, – заметил тёзка. – Ну, знаете, когда изобретатель создал такую машину и спросил её: «Что я буду делать через полтора часа?»

– И что же?

– Машина думала сутки и выдала: «Ждать моего ответа».

Посмеялись. Я по ассоциации вспомнил другой анекдот про предсказание будущего, только в нём речь шла о выдающемся соблазнителе женщин.

Мы сделали перерыв. Коля с Андреем о чём-то разговаривали, стоя напротив полок с русской поэзией Серебряного века и томиком романтиков 20-х годов. Крупный кристалл каменной соли, в юности добытый Костей в шахтах Среднего Урала, органично смотрелся на фоне корешков с именами Беляева и Паустовского.

– ...тебе с этим открытием слетать в Тюмень к Владиславу Петровичу, – слышался Колин голос. – Мы с Ольгой с ним хорошо знакомы, и кто-нибудь из нас с удовольствием составит тебе компанию и представит лично...

Хозяин включил китайскую традиционную музыку, а я отправился на кухню заварить свежего чаю...

– Андрюш, а почему ты назвал именно шестьдесят первый год? – спросил Андрей, когда мы вновь разместились вокруг стола под портретами диалектиков. На этот раз Коля полулежал на диване, как Зевс на пиру олимпийцев, изредка оборачивая голову и переглядываясь с Иваном Антоновичем на фотографии. Костя сидел напротив Коли, а тёзка вслед за мной перебрался на пол.

Я вопросительно посмотрел на моряка, и он ответил:

– Говори ты, у тебя лучше получится.

– Хорошо. Шестьдесят первым годом завершается исторически очень короткий

период ключевых событий. Пятьдесят шестой год – Двадцатый съезд («сверху») и создание Союза энтузиастов («снизу»). Пятьдесят седьмой – Спутник, выход «Туманности Андромеды» и возвращение на Родину Юрия Николаевича Рериха, с тех пор он в основном здесь и жил до самого своего ухода в восемьдесят девятом году. Пятьдесят девятый...

– Фрунзенская коммуна, – подхватил Андрей.

– Совершенно верно. А ещё кубинская революция. Далее. Шестидесят первый – снова синхроничность, как в пятьдесят седьмом: полёт Гагарина и выход «Лезвия бритвы», а затем – Волхонка. Всё, произошедшее после, – уже следствия благоприятных начал.

– Не забудь ещё о Лунной программе, – вставил Костя.

– Да, конечно!

В том же шестьдесят первом году добрые люди сумели убедить Кеннеди и Хрущёва договориться о совместной программе экспедиции на Луну до конца десятилетия. И хотя одного потом застрелили, а другого сняли с должности, тенденция планетарного сотрудничества и разрядки оказалась прочной.

– Посмотрите, что получается, – продолжал я. – К концу пятидесятых наука стала способна накормить всех голодных, победить болезни, урегулировать рождаемость. Технологии и социальные институты уже могли обеспечить всем разумную материальную достаточность и свободное время для творчества и саморазвития. Настала пора заняться самым главным – человеком, изучить его внутренний мир, понять основы его полноценной жизни – в полную силу, без слепого страха, – и строить общество в соответствии с этим знанием. О чём и говорил Иван Антонович в своём новом романе, который, наряду с «Туманностью...», стал программным для будущего движения...

И это было только начало. В том же шестьдесят первом году И.А. Ефремову и Ю.Н. Рериху, которые стали к тому времени большими друзьями, удалось организовать регулярные встречи в Институте философии, вошедшие в историю как «встречи на Волхонке». На этих семинарах, проходивших в неформальной обстановке большой гостиной старинного московского особняка, обсуждались проблемы планетарного уровня, которые волновали всех думающих людей. Здесь в разное время выступали выдающиеся педагоги Иванов и Сухомлинский, психофизиолог Бассин, психологи Шерозия и Платонов, брат Ю.Н. Рериха Святослав Николаевич, писатели-фантасты Бердник, Лем и Аркадий Стругацкий, гениальный астрофизик Козырев. Незадолго до своего ухода здесь успел выступить Александр Леонидович Чижевский, названный «русским Леонардо».

Во встречах участвовали Э.В. Ильенков, П.Г. Кузнецов, И.С. Шкловский, В.М. Глушков, Ю.А. Гагарин. «С такими людьми, как Юрий Алексеевич, построим лучшую жизнь не через века, а гораздо раньше», – говорил, слегка заикаясь (последствия контузии в детстве) богатырь Иван Антонович. А Глушова сказал: «В Г-госплане Вам, Виктор Михайлович, сопротивляться б-будут отчаянно, в-ведь Вы отбираете у них хлеб». Ничего, справились, заручившись поддержкой Косыгина, и программа ОГАС стала постепенно набирать обороты. Позже с чилийским правительством Сальвадора Альенде и командой Стаффорда Бира опытом обменивались, но это уже после ВВР.

В 1962 году на Волхонке в обычной для себя манере – экспромтом – сделал увлекательный полуторачасовой доклад Эрих Фромм, прилетевший в Москву на конференцию по ядерному разоружению. После той встречи у них с Ефремовым завязалась плодотворная переписка, а в 1968 году Фромм активно участвовал в

избирательной кампании будущего президента США Юджина Маккарти.

«Если верить в одно только доброе начало в человеке, – говорил Фромм, – рано или поздно жестоко разочаруешься, потому что будешь видеть факты искажёнными. Если верить в другую крайность, то станешь циником и разрушителем, которыми становятся все разочаровавшиеся в жизни, и перестанешь замечать потенциал добра ни в других, ни в себе. Реалистический подход состоит в том, чтобы всегда видеть обе возможности и исследовать условия, в которых та или другая из них развиваются».

«Встречи на Волхонке» транслировались по радио на всю страну и горячо обсуждались во всех группах общества, вызывая к жизни интересные дела и события социальной и культурной жизни. К 1968 году количество перешло в качество.

– ...Таким образом, точка ветвления у нас локализуется вполне точно: между пятьдесят девятым и шестьдесят первым годами. Нам неизвестно, было ли в той реальности написано «Лезвие бритвы», и если да, то в каком году, но, независимо от этого, в «Часе Быка» автор констатирует: мир пошёл не туда, юнгианская «тьень» рациональной цивилизации, показавшая себя в виде двух мировых войн и фашизма, не преодолена и возвращается в новых обликах. Эта книга создана по результатам неудачи программы «Лезвия...» с целью предложить пути выхода из тупика.

Повисла пауза. Коля подавил вздох, потом произнёс:

– Исчерпывающе.

Затем я ещё рассказал для них с Андреем о своём разговоре с настоятелем дацана, и Коля заметил, что тибетская хронология – отдельная тема, которой нужно будет плотно заняться по возвращении в Москву.

– Кроме того, – продолжил он мысль, – автор мог предчувствовать возможное ветвление реальности, и что-то могло попасть в его «премудрые тетради».

– Ну что ж, вам, москвичам, и карты в руки, – заметил на это Костя.

Надо сказать, как в воду глядел. Но в этом мы убедились позже. Единственный нюанс – карты оказались совсем не те, о которых идёт речь в поговорке.

VI

Бакштаг – самый благоприятный курс: ветер направлен в корму и борт и позволяет использовать всю площадь парусов. Наполненные ветром полотнища были упруги, чуть вибрировал туго натянутый такелаж, над мачтой, расправив крылья, зависла чайка, – она летела вровень с яхтой, создавая ощущение того, что это мы стоим на месте, а залив, сверкающий в лучах утреннего солнца, и песчаный берег Карельского перешейка стремительно движутся навстречу. Чайка над «Чайкой».

С наветренной стороны, с левого борта, нас неумолимо догонял другой бермудский шлюп, и это выводило из себя азартного Колю. Костя хмурился – в настигающей нас яхте он узнал «Анну». Только мы с тёзкой сохраняли безмятежность, хорошим утром, морским простором и рассуждая об относительности движения. Из этого состояния нас вывел сигнал моего телефона.

– Сдавайтесь, если хотите пощады! – грозно сообщила трубка с неподражаемыми интонациями юной пиратки. Я так и представил себе её огненно-рыжие волосы, повязанные красным шёлком, короткий камзол с воротником и манжетами, штаны, обтягивающие крутые бёдра, высокие ботфорты, кремнёвый пистолет за поясом, в одной руке – стакан рома, а в другой... Ну да, в другой – телефон: – Это говорю вам я, Пеппи Длинныйчулок!

– Карамба! – воскликнул я с весёлым изумлением. – Танка, это ты на соседней яхте?!

В следующий момент Коля и Костя уже рвали друг у друга подзорную трубу:

– Это Морозовы!

– Но они же в «Зеркальном»!

– Так сейчас пересменка.

– Ну, девка!!..

Вроде бы взрослые дядьки, да и тётенька не то, чтобы совсем маленькая – учительница, мать двоих детей, – а шалят, как школьники. И это замечательно!

Так наша компания пополнилась ещё двумя участниками.

Таня (или Тана, как зовут её друзья) и Володя Морозовы – педагоги. Она преподаёт рукоделие и танцы, он – физкультуру. Давнее пристрастие и предмет соперничества Володи и Коли – футбол. Вот и теперь, едва высадившись на берег рядом с Комаровским пляжем, они стали обсуждать детали завтрашнего поединка:

– ... На площадке во дворе клуба. Играем до восьми мячей...

Тем временем мы с Андреем и Костей окружили нашу прекрасную даму.

– Ведь это твоя идея была, с «нападением пиратов», – говорил я.

– Моя, – гордо отвечала Тана. – Володя меня сразу поддержал и придумал, как всё сделать лучше.

Из «Зеркального» они приехали позавчера, чтобы дать себе несколько дней отдыха после смены. Следующим утром взяли на Петровской косе яхту (должно быть, мы с моряком в это время увлечённо красили элинг) и весь день ходили под парусом. Когда поздним вечером эта весёлая пара вновь швартовалась к причалу, Миша – дежурный, тот самый веснушчатый парень – рассказал им, что мы с Костей взяли «Чайку» и утром собираемся выйти в залив. План созрел в Таниной голове молниеносно.

– Миша, а Вы им не сказали про нас? – спросила она.

– Нет, моё дежурство позже началось, и я не знал, что это вы ушли на «Анне».

– Отлично!

Немного пошептавшись с мужем, она сообщила, что яхту они возьмут ещё на одни сутки. Ужин, душ и короткий ночлег – в спальнях мешках, прямо на досках причала, под тихий плеск воды и перебор Мишиной гитары – им гостеприимно предоставили в яхт-клубе. И вот, ранним утром сегодняшнего дня, наполнив термос горячим кофе, они вышли к северо-западной оконечности Крестовского острова, где и затаились в камышах в маленькой бухточке, а когда мы на «Чайке» прошли мимо – пустились в погоню. Остальное нам известно...

Две девушки проскакали верхом по мелководью навстречу солнцу, поднимая фонтаны брызг, – «амазонки»! Тана смотрела им вслед из-под руки. В небесно-голубых бриджах и лёгкой ярко-оранжевой блузке с открытыми плечами она сейчас была как огненный цветок, неожиданно раскрывшийся на прибрежном песке. Ещё минуту назад его не было – и вдруг...

Заметив, что пятеро мужчин ей ненавязчиво любуются, Танка слегка смутилась, рассыпала свои растрёпанные ветром рыжие волосы и снова собрала их в «лисий хвост», затем взяла нас с Костей под руки, и вся компания двинулась в сторону посёлка.

Вот закончился подъём на морскую террасу – при отступлении ледника избавленная от его бремени суша вздымалась стремительно, так что сохранились очертания прежнего берегового профиля, которые сгладились бы при равномерно-

медленном отступлении моря. Дорога вела мимо живописных дач, расположенных среди хвойного леса. Андрей на ходу достал из сумки «артефакт», и мы обрушились на вновь прибывших с новостями. На Володином лице выражение недоверия сменялось удивлением, Танкины глаза светились энтузиазмом.

– В романе есть ключевая дискуссия одного из звездолётчиков с местными учёными – с физиками, а потом с биологами, – говорил Андрей. – Эти учёные мыслят в старой парадигме, восходящей ещё к Фрэнсису Бэкону.

– Кто это? – спросила Тана.

– Страшный человек, – вырвалось у меня.

– Создатель методологии науки Нового времени, – стал рассказывать тёзка. – Он провозгласил отказ от познания добра и зла, то есть от попыток создать рациональную этику. Кроме того, его взгляд на природу механистичен, что радикально отличалось от античных и средневековых представлений.

– Ещё хуже, – внёс свою лепту Коля. – Бэкон использовал метафоры порабощения женщин и процессов над ведьмами, с чем был хорошо знаком как генеральный прокурор Его Величества короля Англии. Природа – женщина, ведьма, у которой нужно «выпытывать её тайны» при помощи специальных устройств, которую нужно «заключить в темницу», «сделать рабыней».

Тана продолжала идти между Костей и мной, и мы почувствовали, как она поёжилась при этих словах. Я положил ладонь свободной руки поверх её ладони – в знак защиты.

– Познание для Бэкона – не неизбежная часть любви и не диалог с природой, – говорил Коля, – в том числе со своей внутренней природой, с бессознательным, – а насилие над ней. Знание для него – не благо, а «сила», или «власть», в зависимости от того, как перевести его известный афоризм.

– Получается, в той реальности задержался переход к новой научной парадигме и ноосферному мышлению, а без этого – дегуманизация, унификация, которая ведёт к монокультуре, всё сходится, – подытожил Андрей.

– Инферно, – медленно произнесла Тана непривычное слово.

– Да, инферно, – откликнулся Володя. – Ведь многие достижения Нового времени были прогрессивны, с этим глупо спорить, но прогресс этот был не человеческий, слепой.

– Точно, – отметил я. – Эволюция жизни идёт путём слепого, естественного отбора, а значит – страдания «выбраванных», и чем выше нервная организация живого существа, тем страдания острее, для человека они могут стать безмерными. Это и есть инферно. Идём дальше, – я чувствовал вдохновение: – Естественный отбор сохраняет норму, но ведь норма будет различаться в зависимости от целеполагания. Все читали «Космос и палеонтологию»? Для адаптации к внешним условиям и для восхождения к большей независимости от этих условий нормальным будет совершенно разное. Адаптивные механизмы проще, но в перспективе оборачиваются неминуемой гибелью при изменении условий внешней среды, то есть они тупиковы стратегически. Теперь нам осталось, вслед за автором, перенести это на уровень общества. Пока в истории продолжают господствовать слепые силы, любая изначально рациональная норма со временем неизбежно становится патологией, и сохраняющий её естественный отбор начинает бить по самому светлому и передовому, зовущему к большей независимости и более полному сбыванию человека, – то, что Ефремов назвал «Стрелой Аримана». И так без конца. Только знание, понятное народами не как власть, а как благо, – я кивнул Коле, –

выводит из этого круга.

– Люди, цените социализм! – произнёс до того молчавший Костя. И закончил цитатой: – «Только настоящий социализм, без обмана...»

Профиль Анны Ахматовой на стене, сложенной из плоского камня в конце кладбищенской аллеи, невозможно спутать ни с чьим другим. Здесь мы остановились почтить память этой великой женщины. Андрей читал «Когда погрёбают эпоху...», Костя – «Мужество», а мы с Колей, не сговариваясь, опустились на колени, чтобы коснуться ладонью шероховатых камней на могиле. Володя и Тана молча стояли рядом, взявшись за руки.

Затем мы пошли дальше, пробираясь друг за другом по узкой тропинке среди надгробий, пока не вышли к могиле, накрытой базальтовой плитой с установленным на ней неправильным многогранником из лабрадорита. Я достал из рюкзака воду в бутылке с закруткой, две губки – и мы с тёзкой в четыре руки быстро протёрли от мелкого лесного сора каменные поверхности, вновь разложили на чёрной плите принесённые кем-то до нас алые гвоздики и прислонили к камню упавший в мох образец Святителя Николая. Костя зажёл свечу в стеклянном стаканчике, а Тана положила рядом свежую ветку папоротника.

С минуту мы стояли молча. Когда в верхушках елей, устремлённых в высокое небо в редких облаках, прошумел ветер, я поднял голову и улыбнулся местным духам. Затем снова перевёл взгляд на многогранник с выгравированной на нём слегка позолоченной надписью:

ИВАН ЕФРЕМОВ

1907 – 1988

На обратном пути Володя напомнил нам о том, кого, по убеждению Анны Ахматовой, любят женщины – «тех, кто ими занимается».

Затем разговор естественным образом вернулся к книге.

– Что вы решили? – спросила Тана.

Мы начали рассказывать. Тёзка готовит научную публикацию по результатам своего грандиозного эксперимента и берёт в соавторы Колю, который напишет историческую часть статьи – хватит скрывать событие от мировой общественности. Одновременно Коля звонит в Тюмень В.П. Крапивину, как автору замечательных книг о многомирье, и они договариваются об удобных для Владислава Петровича сроках встречи с Андреем; предполагаемый обмен идеями обещает получиться очень плодотворным. Я тем временем начинаю целенаправленные поиски по тибетской хронологии, а по возвращении в Москву мы с Колей идём к жене Ивана Антоновича (сказать «к вдове» не поворачивался язык) и просим показать нам ещё раз папки с материалами и письмами конца 50-х – начала 60-х годов.

– А ты, Костя?

– А я через месяц снова уйду в рейс.

Когда наши яхты вновь подходили к причалу на Петровской косе, был уже поздний вечер. Заканчивался последний день июня 2013 года.

***

Алёна всегда любила балы. А поскольку Костя не возражал, она решила устроить один в честь дня рождения любимого директора. Алёна – его помощница и ведущая

курсов практической психологии в клубе «Великий Кристалл», она добрая, открытая натура и к тому же красавица – идеальное сочетание для хозяйки бала.

Окна и двери клуба были распахнуты настежь, и атмосфера ленинградского летнего вечера беспрепятственно проникала в просторное помещение. Хозяйка проворно сновала между гостями, находя для каждого ласковое слово или приветливый взгляд. Пришедших поздравить моряка собралось не меньше тридцати человек. Здесь были его друзья и подруги, приятели и приятельницы по лыжным и байдарочным походам, соратники и соратницы по клубу, двое моряков с «Казанцева».

С самого утра Косте слали поздравления те, кто в эти дни находился вдали от Ленинграда. «Будь всегда так же крепок духом и телом, живи ярко, чаще смотри на звёзды», – писала из Севастополя чета Воздвиженских – наших общих друзей. «Поднимаем кружки кваса за твоё здоровье. Так держать, моряк!» – присоединялись к ним супруги Жуковы из коммунарского лагеря в Испании. «Костя, спасибо за твоё неутомимое сердце. Будь здоров и весел. Мысленно с вами, всех обнимаю. Ольга», – сообщала из Москвы Колина жена. Маринка передавала «вулканический привет» и такие же тёплые пожелания с Камчатки. И так далее, от Владивостока до Бергена и от Бергена до Гаваны – у моряка обширная география.

Счастливы те, кто были там, потому что они видели, как танцует Тана. Сначала она исполнила своё «фирменное», задорное фламенко, чем привела присутствующих в абсолютный восторг. А позже, когда полностью вступила в права белая ночь, а на празднике остались наиболее стойкие, и мы отправились гулять в Лопухинский сад, – там, на лужайке, она продемонстрировала собственную реконструкцию танца минойского Крита в честь весны. Как это сказано у Сапфо в переводе Вячеслава Иванова?

Критянки, под гимн,
Окрест огней алтарных
Взвивали, кружась,
Нежные ноги стройно,
На мягком лугу
Цвет полевой топтали.

Вот-вот, именно так всё и было, только критянка в единственном числе, и огни дальней набережной вместо алтарных.

После мы сидели на скамейках парка и пели под гитару. Обычное дело – встреча романтиков.

Но это всё было позже, а пока что Алёна объявила танец именинника. Зазвучал вальс. Дамы по очереди подходили к Косте и, протанцевав с ним, передавали своего кавалера в следующие нежные руки.

...Земная судьба – родных провожать и встречать... –

разносился из клубной акустической сферы Гладкова волшебный голос Софии Ротару, и моряк кружил по залу очередную прекрасную женщину. С последним аккордом вальса пробки от шампанского ударили в потолок, и все закричали «ура!».

Тёзка с высоким стаканом апельсинового сока в руке пробрался к нам с Колей и спросил, не знаем ли мы, кто эта стройная черноволосая девушка с длинными ресницами,

что в такой мечтательной задумчивости остановилась напротив осеннего пейзажа на стене. Мы не знали. Но тут снова зазвучала музыка, кавалеры стали приглашать дам. Самое время познакомиться, заметил Коля. Андрей поставил свой стакан и направился через зал к таинственной незнакомке...

На следующий день у нас с Колей ещё осталось время, чтобы сдать его парамотор в пункт проката на Васильевском, пообщаться с тибетологами в институте на Дворцовой площади, а затем приобщиться к мистерии маятника Фуко в Исакиевском соборе. Когда вечером мы уезжали в Москву, северный город провожал нас летним дождём. Большие капли летели отвесно и с шипением разбивались о мостовые, на поверхности стремительно растущих луж толпились, лопаясь и вновь возникая, водяные пузыри. На перроне Костя и Андрей долго жали нам руки и говорили на прощание добрые слова. Пропел телефон. «Доброго пути! Мы уже в Зеркальном. Танка», – прочитал я её «телеграмму».

Так завершилась эта памятная поездка в Ленинград. История же, начавшаяся с находки книги из соседней реальности, продолжалась, и её дороги привели нас в другие уголки нашей прекрасной планеты. Но об этом стоит рассказать отдельно.

Июнь – август 2013 г.